

Сначала кто-то ее написал (или вырезал). Известно только, что это было некое «благородное» слово. Второй этап — кто-то не без известной избрательности переправил надпись («затерты две-три литеры»), в результате чего «из слова благородного такая вышла дрянь!» Наконец, третий этап истории восприятия надписи — хохочущие странники. Они смеются, конечно, не столько над «благородным» словом, сколько над той ловкостью, с которой неведомый насмешник осквернил чьи-то возвышенные чувства. Сама же «барская затея» — надпись на беседке — им чужда и непонятна, их искренний смех отмечает завершение длительной истории одного идиллического мотива, появившегося впервые в европейской литературе как раз в среде упомянутых аркадских пастухов и пастушек.

Надпись на беседке в поэме Некрасова — это лишь один вид из вереницы разнообразных надписей, которыми начиная с античности и вплоть до XIX века украшались сады.³ В античной буколической поэзии таким «приятным местом» (*locus amoenus*) и предшественницей сада была роща,⁴ и именно в ней появляется первая надпись такого рода. Естественное природное окружение и простодушно-наивный характер далеких от цивилизации героев буколической поэзии определили место надписи — кора дерева и как следствие определенной сложности исполнения ее кратчайший тип — имя возлюбленной или возлюбленного. Герои буколической поэзии далеки не просто от цивилизации, а именно от городской цивилизации, а это весьма существенная черта природы этого жанра.⁵ Как отмечал Й. Хейзинга, «по-настоящему наивной и естественной буколика не была никогда. У самого Феокрита она предстает плодом усталости от городской жизни, бегством от культуры».⁶ Пастухи и пастушки пишут на дереве не только потому, что им не на чем больше писать, — недолговечная и очень личная пастушеская надпись на дереве противопоставлена рассчитанным на вечность официальным надписям на камне и металле.

Этот мотив — имя на дереве — есть уже у классиков буколической поэзии, у Феокрита и Вергилия. П. Ю. Львов так перевел в 1796 году соответствующее место из 18-й идиллии Феокрита: «Никогда не изыдешь ты из памяти нашей. Сердца наши стремятся к тебе, как агнцы ко матери своей. Лotosовые венцы повесим мы на тенистом яворе. В серебряных

³ См.: Общее замечание г. Гиршфельда о надписях. (Взято из его сочинения о садах) // Экономический магазин. 1787. Ч. 29. № 23. С. 363–367; Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 209–212. См. описания разнообразных надписей в парке Эрменонвиля под Парижем (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 308–312) и надписей в саду Сухопутного шляхетного корпуса во второй половине 1780-х гг.: Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 72–74. В рукописном сборнике А. Т. Болотова «Собрание мелких сочинений в стихах и прозе» сохранились проекты надписей в стихах 1797 г., которые предполагалось разместить в саду на специальных дощечках у пруда, скамьи и дерева, см.: Веселова А. Ю. Стихотворения А. Т. Болотова: хорошая физика, но плохая поэзия // Slavic Almanach. The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies. 2000. Vol. 6. № 9. P. 166–168.

⁴ См.: Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; München, 1984. S. 202–206.

⁵ См.: Poggioli R. The Oaten Flute. Essays on Pastoral Poetry and the Pastoral Ideal. Cambridge, Mass., 1975. P. 1–41. Ср.: Hauzer A. Społeczna historia sztuki i literatury / Przekład J. Ruszczycówny. Warszawa, 1974. T. 2. S. 16–18.

⁶ Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах. London, 1992. С. 100.